

Восьмой месяц лунного календаря — далеко не лучшее время для поисков человека в пустыне. Мелкий желтый песок забивался Шэнь Цинжаню за воротник, натирая нежную кожу до кровоточащих ссадин. Но он лишь крепче сжимал губы, стоя непоколебимо, словно гордый белый тополь на горизонте, который тысячелетиями тянется к небу, не сдаваясь бурям.

Его белые одежды покрылись слоем мелкой пыли. За эти дни поисков Шэнь Цинжань похудел еще больше, но даже сам не знал, насколько. Над горизонтом яростно клубились черные тучи, а на востоке уже начался ливень. Темная стена дождя повисла над пустыней, словно раскалывая мир надвое.

Им следовало бы вернуться в свои временные палатки, прежде чем грозовой фронт доберется до них.

Шэнь Цинжань, сидя верхом на белом коне, попытался вытряхнуть песок из-за воротника и тихонько зашипел от боли. Случайно нащупав на груди свисток, он тут же крепко сжал его сквозь ткань.

— Твоего хозяина, часом, не утащили в зятя к какому-нибудь местному царьку? И зачем только вояке быть таким красавцем — только и делает, что приманивает пчел да бабочек! — Шэнь Цинжань вспомнил о дочери маркиза Юйчана и всерьез забеспокоился.

В книжках часто бывает: какая-нибудь деревенская девушка находит тяжело раненного, потерявшего память генерала, спасает его, принимает за дурачка, а потом они вместе пахнут землю, ткут пряжу, и между ними вспыхивает любовь...

— Вот же мерзавец! — от одной этой мысли Шэнь Цинжаню захотелось харкать кровью. Да как он мог?! Он ищет его столько времени, неужели Сюэ Фэйфэн и правда сбежал с другой?!

Он вытащил свисток и со всей мочи дунул в него.

Сюэ Фэйфэн, если ты меня слышишь — немедленно появись!

У Шэнь Цинжана даже щеки свело от усилий. Он опустил свисток, и его лицо вновь потускнело.

Где же он? Хватит прятаться. Пусть даже он выйдет и скажет, что женится на другой — уж лучше так. Пусть лучше он окажется неблагодарным предателем, чем...

Чан Бай и остальные, захватив с собой палатки, искали его день и ночь, разбивая лагерь там, где их заставляла темнота. Они ушли уже очень далеко от военного лагеря. В ясные ночи небосвод низко нависал над землей, раскинувшись безбрежным Млечным Путем и освещая пески так, что они казались белыми как снег. Но Шэнь Цинжань, просыпаясь на рассвете, даже не мог вспомнить, были ли вчера звезды.

Держась за шею коня, он медленно, с трудом сполз на землю. Он был так измотан, что не мог даже изящно спешиться, выглядя таким же неуклюжим, как трехлетний ребенок.

— Дзинь! Бобы маша, которые вы отметили, проросли!

Внезапный резкий звук Системы оглушил Шэнь Цинжана. Он оступился и с глухим стуком рухнул прямо в желтый песок.

— Госпожа, осторожно!

— Госпожа!

Окружающие в панике бросились к нему и всей толпой стали откапывать его из песка.

— Кхе-кхе-кхе... — Шэнь Цинжань выплюнул песок изо рта. Он был настолько потрясен и обрадован, что его лицо просто не могло выразить никаких эмоций. Дрожа всем телом, он пролепетал: — Я... я знаю, где он! Я знаю!

Казалось, к нему внезапно вернулись все силы. Он отстранился от Чан Чань, которая пыталась ему помочь. Девушка ловким движением перекинула его через плечо и усадила на коня, а сама взялась за поводья:

— Госпожа, куда едем?

Шэнь Цинжань открыл интерфейс Системы:

— На восток!

Сюэ Фэйфэн был где-то там, прямо в стене дождя!

Сердце Шэнь Цинжаня сжалось. Он не знал, сам ли Сюэ Фэйфэн намочил бобы, чтобы они проросли, или же он просто лежал под дождем без сознания, и они проросли сами по себе.

О втором варианте Шэнь Цинжаню даже думать не хотелось.

Они то скатывались по песчаным дюнам, то снова карабкались наверх. Лошади с трудом продвигались по пустыне, постепенно входя в пелену дождя. Спустя долгое время перед ними внезапно предстал небольшой оазис. Крошечное голубое озерцо походило на драгоценный камень, оброненный в пустыне, готовый в любой момент исчезнуть под натиском песков.

Под деревом виднелся чей-то силуэт. Шэнь Цинжань, спотыкаясь, скатился с лошади и, не обращая внимания на хлещущий в лицо дождь, бросился туда.

Если это мираж, то пусть он лучше никогда не очнется.

Подошвы его сапог коснулись зеленой травы. Шэнь Цинжань от волнения словно парил в облаках; он даже не помнил, как преодолел эти несколько десятков метров. Но когда он увидел Сюэ Фэйфэна, с ног до головы залитого кровью, его глаза моментально покраснели, и он не осмелился подойти ближе.

Он оцепенело смотрел на зеленые бобы маша, рассыпанные на ладони Сюэ Фэйфэна. Проливной дождь смывал с него кровь, окрашивая землю вокруг в багровый цвет. Он смотрел, как Чан Мин и Чан Бай бегут к нему, а сам стоял, как трус, не в силах сдвинуться с места.

Чан Мин стремительно приблизился и нащупал пульс Сюэ Фэйфэна:

— Дышит!

В глазах Шэнь Цинжаня потемнело, и он потерял сознание.

Перед тем как провалиться в забытие, он вцепился в руку Чан Чань и прошептал:

— Не говорите ему, что я здесь.

Он сейчас выглядел просто ужасно и не знал, сколько пролежит без сознания. Если Сюэ Фэйфэн очнется, пусть сначала спокойно поправляется и не тревожится о нем.

Сюэ Фэйфэн пробыл в бессознательном состоянии слишком долго, но, на удивление, очнулся раньше Шэнь Цинжана, который не смыкал глаз несколько дней подряд.

Одна его рука покоилась на перевязи, а грудь была туго замотана бинтами вдоль и поперек. Надевать одежду было настоящей мукой, поэтому лежал полуголым, словно разбойник.

К сожалению, ходить он не мог.

Старые раны дали о себе знать.

Да так серьезно, что ему оставалось лишь лежать в постели или сидеть.

В таком состоянии его было легко обвести вокруг пальца. Стоило лишь нескольким людям сговориться, и от него можно было скрыть всё что угодно.

За эти дни все воочию убедились, как изматывал себя Шэнь Цинжань и как сильно он любил Сюэ Фэйфэна. Изначально Чан Чань не хотела обманывать генерала, но, увидев, в каком плачевном состоянии он находится, поняла правоту слов Шэнь Цинжана.

Шэнь Цинжань всё еще лежал без сознания в соседней палатке, исхудавший до неузнаваемости. Если бы Сюэ Фэйфэн узнал об этом, разве он смог бы спокойно выздоравливать? Наверняка бы, не щадя собственных ног, пополз к жене, чтобы лично ухаживать, кормить и поить его. А от волнения у него бы точно разошлись все раны на груди.

Они просто не смели ему сказать.

Кто в здравом уме позволит искалеченному инвалиду заботиться о человеке без сознания? Это скорее Шэнь Цинжань первым очнется от тревоги. Лучше уж дожидаться, пока госпожа придет в себя и сама всё ему расскажет. Кроме нее, никто не сможет усмирить генерала, если тот вдруг рассвирепеет.

Пусть каждый спокойно поправляется по отдельности.

Сюэ Фэйфэн, у которого болела каждая косточка, потер лоб:

— Когда я был без сознания, мне показалось, я видел Шэнь Цинжана и Чан Мина.

Чан Бай с невозмутимым видом ответил:

— Генерал, если вы соскучились по госпоже, почему бы вам не написать ей письмо и не попросить приехать?

В эти дни Сюэ Фэйфэн виделся только с лекарем, Чан Баем, солдатом, приносящим еду и воду, а также с Чжан Хуайпу и несколькими заместителями. Лекарь и солдат заботились лишь о здоровье генерала, поэтому, естественно, ни о чем не обмолвились.

А Чжан Хуайпу получил строгий нагоняй от Чан Чань:

— Ты ел сладкий картофель, выращенный нашей госпожой, значит, ты ее друг. Будь добр, прояви благородство, понял?

— Ладно, — согласился Чжан Хуайпу. Ему было уже немало лет, и больше всего на свете он боялся острых на язычок молодых девиц — он даже за ходом их мыслей не успевал, куда уж там спорить.

— Тогда своим заместителям тоже сам всё объясни, — распорядилась Чан Чань. Она поняла, что прием Шэнь Цинжана работает безотказно: сначала напугать старшего, а он уж сам разберется с младшими.

Сюэ Фэйфэн оставался в полном неведении. И чем сильнее он тосковал по Шэнь Цинжаню, тем меньше ему хотелось, чтобы тот узнал о его состоянии.

Он ведь обещал ему больше не получать ранений.

А теперь чуть снова не стал калекой.

«Вот поправлюсь немного, тогда и расскажу», — подумал он.

Сюэ Фэйфэн вспомнил Шэнь Цинжана из своего видения — тот был таким исхудавшим... Нет, это невозможно, его драгоценная женушка не могла так похудеть.

Поэтому он с трудом написал Му Вэнькоу письмо, в котором требовал кормить свою жену семь раз в день.

Фермерский труд отнимает много сил, значит, в каждый прием пищи должны быть деликатесы: рыба, мясо, а после — фрукты и десерты.

На обороте он приложил меню — на целый месяц, ни одного повтора. Все эти названия блюд Сюэ Фэйфэн слышал от дворцовых евнухов, когда ему еще не исполнилось и восьми лет.

— Отправь на виллу «Тянься» самым быстрым гонцом.

— Слушаюсь, — Чан Бай с серьезным видом принял письмо, вышел из шатра, повернул налево, прошел несколько десятков метров и вошел в соседнюю палатку.

— Письмо генерала мастеру Му. — Сургучная печать на конверте отличалась от обычных; это означало, что письмо не имеет отношения к государственным или военным делам, а касается исключительно Шэнь Цинжана.

Чан Чань взяла письмо, не раздумывая вскрыла его и совершенно бесстрастным голосом зачитала вслух спящему Шэнь Цинжаню.

Прочитав первую страницу, она в недоумении скривила губы, а потом еще целых две четверти стражи (полчаса) монотонно зачитывала меню.

«...»

Насколько же хорошо генерал изучил вкусы Шэнь Цинжана? От этого письма Шэнь Цинжань чуть не проснулся от голода.

Близился закат. Сюэ Фэйфэн всё еще находился в шатре, когда снаружи послышалось ржание лошадей и шум ветра — это Чжан Хуайпу возвращался с тренировки своих ненаглядных шести тысяч монгольских скакунов.

Сюэ Фэйфэн, до этого не обращавший внимания на звуки, вдруг нахмурился и прислушался к

происходящему снаружи.

Шум доносился издалека, но количество лошадей казалось подозрительно большим. Да и топот копыт, и само ржание как-то не походили на лошадей, которых они обычно использовали на Северо-Западе.

В военном лагере шуметь строго запрещалось. Поскольку Сюэ Фэйфэну требовался покой, вокруг его шатра было особенно тихо, и даже патрульные старались проходить мимо бесшумно.

И надо же было такому случиться, что именно сегодня мимо проходили два смелых солдата с ведрами воды. Будучи людьми суеверными, они верили слухам, что желания, загаданные рядом с шатром генерала, сбываются быстрее.

— Уверен, супруга генерала носит под сердцем маленького генерала!

Солдат, стоявший метрах в пяти за шатром, искренне помолился про себя, а затем случайно ляпнул вслух:

— Пусть родится маленький генерал, тогда я отыграюсь за тех двух саранчей, что проиграл старине Сы!

Второй солдат возмутился:

— Да девочка это будет! Госпожа такая худенькая, если там маленький генерал, он же будет толкаться и пинаться, совсем госпожу измучает! Генерал же с ума сойдет от жалости! — Он смотрел на вещи куда глубже: простые смертные думали только о выигрыше из саранчи, и лишь он искренне переживал о госпоже, спустившейся к ним с небес!

Чан Бай отвлекся буквально на секунду и даже не успел их прогнать.

А со слухом у Сюэ Фэйфэна было всё в порядке — он не пострадал и слышал каждое слово отчетливо и ясно.

...А?

Когда забеременела? Как забеременела?

Нет, погодите, с каких это пор он сам не в курсе, что Шэнь Цинжань может иметь детей?!

И вообще... когда эти люди успели увидеть Шэнь Цинжана?!

<http://bllate.org/book/17933/2103638>